

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies
St. Petersburg Branch

Российская Академия наук
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

V. N. Goregliad

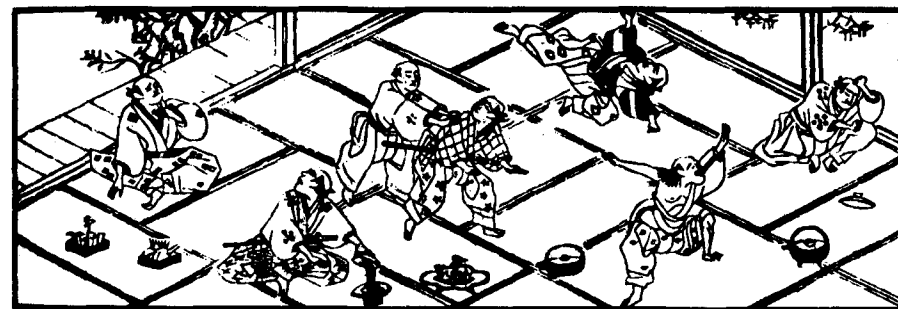
*Japanese literature
of VIII—XVI centuries*

*Unfolding
of the tradition*

В. Н. Торегляд

*Японская литература
VIII—XVI вв.*

*Начало и развитие
традиций*

St. Petersburg
2001

Санкт-Петербург
2001

ББК Ш5(5Я)4

Горегляд В. Н. Японская литература VIII—XVI вв.: Начало и развитие традиций. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001: 2-е изд. — 400 с. (Orientalia)

Настоящая книга представляет собой первое в России регулярное изложение истории японской литературы от ее возникновения до конца развитого средневековья. Книга насыщена фактическим материалом, включает сведения о социальной истории Японии, о разных областях ее культуры, о религиозных учениях и бытовых повериях. Наряду с общей характеристикой основных этапов развития японской литературы автор анализирует отдельные жанры, а также отдельные произведения — как с содержательной, так и с формальной стороны. Литература рассматривается как часть духовной культуры японского народа, — без этого понимание своеобразия классической японской литературы невозможно.

Книга предназначена для литературоведов, культурологов, японоведов и самого широкого круга читателей, интересующихся культурой и литературой Японии, а также может быть использована как учебное пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся гимназий.

На первой странице обложки: фрагмент свитка иллюстраций к «Тайхэйки», выполненного Кайхō Юэцу (1578—1677). Библиотека префектуры Саитама, Япония.

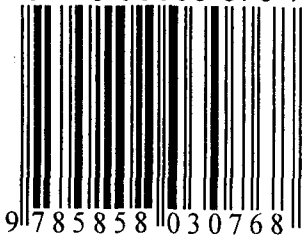
Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

Набор — В. Н. Горегляд, Т. В. Чудинова. Технический редактор — Л. И. Гохман
Редактор — И. П. Сологуб. Корректоры — И. П. Сологуб, О. И. Трофимова
Издательство «Петербургское Востоковедение». ЛР № 065555 от 5.12.1997
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 25.12.2000. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная
Гарнитура основного текста «Таймс». Печать офсетная. Объем 25 печ. л.
Доп. тираж. 1000 экз. Заказ № 3732.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-85803-076-9

© В. Н. Горегляд, 1997, 2001
© Центр «Петербургское
Востоковедение», 1997, 2001

Зарегистрированная торговая марка
ORIENTALIA Зарегистрированная тор-
говая марка

Введение

В средневековой японской культуре, в активе которой числятся самобытная архитектура и садовое искусство, живопись на свитках, ширмах и веерах, художественные изделия из лака, чайные церемонии, танцы с элементами своеобразной пантомимы, искусство аранжировки цветов *икэбана* (生け花), выращивания карликовых деревьев *бонсай* (盆栽), разного рода спортивные развлечения (от игр в кожаный ножной мяч *кэмари* (蹴鞠) до фехтования *кэндō* (剣道) и нескольких видов борьбы), образное слово играло определяющую роль.

Словом отражались и оценивались события, распространялись идеи и настроения, формировалась, разнообразилась и приобретала устойчивость культурная традиция, находил адекватное выражение один из важных компонентов этой традиции — японская эстетика. Наконец, искусство слова высоко ценилось само по себе.

Со словом, как и с изобразительным искусством, в Японии тесно связано понятие гармонии — одно из основных в традиционном эстетическом сознании. Понятие гармонии обнимает взаимоотношения между живыми людьми и духами, между всеми видами сущего. Его устойчивость объясняется не только древностью происхождения и универсальностью, но и тем пристальным вниманием, которое этому понятию уделяли поколения японских мыслителей.

Художественный слой выделился в письменном слове на очень раннем этапе; в нём определились роды и жанры с преобладанием тех или других функций и формальных признаков, установилась их иерархия.

Древнеяпонская литература — результат проникновения на острова континентальной культуры, значительно более развитой стадияльно, чем местная, и для её поддержания требовались особые институты. Её функции и состав не в точности совпадали с функциями и составом литературы в странах Европы на соответствующих стадиях развития, и это несовпадение стимулирует в современной японской науке развитие этноцентристских тенденций, которые начинаются с попыток генерализации частных особенностей

японской литературы, японской культуры, японской системы мышления и завершаются нередко противопоставлением их иностранным, прежде всего – европейским. Такие тенденции наблюдались в разные периоды японской истории. Конец XX века отмечен их очередной активизацией.

При этом подчас выводы из одинаковых посылок оказываются у разных авторов взаимоисключающими. Так, профессор Токийского университета Кумон Сьюмпэй, противопоставляя «аналитический» японский склад ума «синтезирующему» европейскому, утверждает, что у японцев «процесс познания идет от целого к частям» [Кумон, 1982, с. 9], причём сама эта направленность закодирована в языке, а дуальность целого и части в культурном сознании японца снимается воздействием традиционного мировосприятия, идущего от буддийской «Сутры-сердцевины о Праджня-парамите» (般若波羅蜜心經, «Ханья харамичу сингё») [Кумон, 1982, с. 10]. Не менее обстоятельно, с экскурсами в область традиционной архитектуры, планировки усадьбы, синтаксиса японского языка, мифологии и т. д. известный историк японской литературы Катō Сьүити аргументирует свой тезис о противоположной направленности культурного сознания японцев – «не от целого к части, а от части к целому» [Катō, 1975, с. 14]. Читатель оказывается перед парадоксальной ситуацией, которая неизбежна при ответах на неправильно поставленные вопросы.

Стремление осмыслить специфику собственной культуры, прокламировать её уникальность на общемировой шкале наблюдалось у японских учёных в разные эпохи. В последние десятилетия оно активизировалось в очередной раз и иногда стало проявляться в таких, к примеру, построениях, как у Цунода Таданобу (по специальности врача-отоларинголога, автора нашумевшей книги о врождённой специфике национального сознания японцев), утверждающего тезис об уникальности устройства мозга японцев, благодаря которому те адекватно чувствуют природу и способны воспринимать окружающий мир интуитивно [см.: Алпатов, 1988, с. 111–112].

Литературе присуща непрерывная динамика, и в силу этого после своего возникновения она в разных формах присутствует в каждой эпохе. Значение литературного процесса прошедших эпох (как и его составляющих) заново оценивается всё новыми поколениями людей. Многофункциональность литературы подчас делает актуальными памятники, созданные столетия назад, позволяет им каждый раз по-новому вписываться в меняющийся временной контекст. При этом неодинакова историко-культурная роль средневековых памятников одной эпохи, если одни из них непрерывно и широко распространялись в списках, а другие по каким-то причинам надолго исключались из литературного обихода.

В современной художественной прозе, открытой многоступенчатым и разнообразным влияниям, профессиональный глаз отмечает устойчивый комплекс черт, идущих от традиционной японской культуры. В 1978 г. американская специалистка по классической

японской литературе Элеанор Кёркхэм (университет штата Мэриленд) отмечала, что современные японские прозаики только тогда создают нечто неповторимое, когда находят «единственный в своём роде баланс или создают в творчестве единственное в своём роде соотношение между западными и традиционными элементами. Если мы проглядим или не заметим классические элементы, мы, вероятно, не поймём, что было сказано». Далее она формулирует собственное понимание «классических элементов», присутствующих в современной художественной прозе, сводя их к пяти категориям. «Первой в моём списке значится лирическая природа современной японской литературы; вторым – упор на формальное, конкретное и чувственное богатство и на красоту; с ними тесно связано третье – языковая непрерывность, использование классического словаря, синтаксиса, а также стилистических и структурных средств; четвёртое – это то, что я называю неакадемическим или личным классицизмом; а пятое – наличие определённого стержня из буддийских концепций» [Кёркхэм, 1978, с. 10].

Можно по-разному относиться к количеству и содержанию «классических элементов», выделенных американской исследовательницей в современной японской литературе. Да это и не так важно для нас. Дело в заданности её подхода к предмету исследования. В литературе Японии выделяется нечто особенное, определяющее её специфику в любом культурно-историческом контексте. В культуре Японии антиподом такой заданности является европоцентризм, с которым так горячо и убедительно спорил в своё время акад. Н. И. Конрад.

До последнего времени отношение к японской классической литературе в мировом литературоведении было каким-то странным. С одной стороны, непреложным фактом стало считаться влияние, которое на зарубежную поэзию оказали японские трёхстишия *хайку*, значение, которое для всемирной литературы имеют произведения средневековых японских драматургов или авторов дневников и путевых заметок. С другой стороны, с завидным постоянством создавали общих работ по европейским и американским литературам именуют их работами по всемирной литературе, не потрудившись задуматься об отсутствии в них разделов, посвящённых огромному количеству литератур мира, в том числе и древнейших из ныне существующих.

Португальский литературовед Армандо Мартинс Жанейра, проводивший сравнительное исследование японской и западных литератур, обескураженно констатировал: «Когда мы читаем какую-то книгу по всеобщей литературе, мы очень редко находим отсылку к литературе Японии. Исследования общего характера, посвящённые современной новелле или поэзии, пишутся так, будто японской литературы вообще не существует... На Западе мало людей сознают, что Япония сделала ценный вклад в мировую литературу» [Жанейра, 1970, с. 14].

В последние два десятилетия усилиями мирового классического востоковедения ущербность откровенного европоцентризма стала общепризнанной. В науке ускоренными темпами развивается новое направление – изучение вклада, который сделали и продолжают делать народы Востока в земную цивилизацию. Инициатива в его развитии нередко принадлежит учёным-европеистам. Иногда, как бы компенсируя прежнюю недооценку такого вклада, востоковеды (в том числе и специалисты по традиционной японской культуре) бывают склонны несколько преувеличивать его масштаб. Так, видный американский японовед Эдвин О. Рейшауэр заявил в докладе на Международной конференции по японской культуре в 1972 г.: «Крепость японской культурной традиции и ее влияния на другие страны, вероятно, явственнее всего в области искусства... Здесь очень велик поток художественных влияний, идущих от Японии к остальному миру. Вся современная концепция дизайна – в украшении интерьера, в художественных аспектах повседневной жизни, даже в архитектуре – происходит, я полагаю, более от японских эстетических традиций, чем от западных. Другими словами, люди повсеместно начинают видеть вещи глазами японцев» [Рейшауэр, 1973, с. 72].

В самом изучении японской литературы можно выделить три подхода. Первый – рассмотрение литературы как таковой: анализ отдельных произведений, творчества конкретных писателей и поэтов, специфики жанров с их взаимосвязями и формальными признаками, с обрисовкой социального фона. Второй подход – культурно-исторический. Его сторонники представляют литературу как одну из форм художественного сознания. Изучение её чаще всего ориентировано на обобщения общекультурного порядка, имеющие свои собственные задачи. Третий подход абсолютизирует или преувеличивает общественную или воспитательную роль литературы, сосредотачивает внимание на движении идей в литературных произведениях. Крайние его формы представлены школой вульгарного социологизма, процветавшей в отечественной науке в 1930–1950-е гг.

Сочетание специфики подхода к литературному материалу как таковому с оценкой национальной литературы на фоне ареальной или мировой определяет задачи конкретных исследований по истории литературы. От возможных вариантов таких сочетаний зависит и многообразие видов историко-литературных исследований.

При изучении истории японской литературы, по признанию авторитетных специалистов в этой области, на первый план выходят проблемы «её структуры, организации, её исторических подразделений» [Итико, 1979, с. 1]. Между тем имеется ряд аспектов в развитии древней и средневековой литературы, без освещения которых вряд ли возможно получить сколько-нибудь полное представление о самой японской литературе, о её роли в системе культуры народа и о специфике в сравнении с литературами других стран. К числу таких аспектов относится проблема языка и письменности, отношения средневекового японского книжника к авторскому тексту, проблема

категорий, в разные эпохи служивших для положительной или отрицательной характеристики героев.

Для представления о древнейшем этапе японской словесности, о протояпонской культуре, в которой закладывались основы устойчивых отношений человека к внешнему миру и к самому себе, необходимо иметь в виду по крайней мере одно обстоятельство: в исторические времена территория современной Японии не была отгорожена от континента морями. Сменяющиеся волны миграций приносили сюда культуры этносов Юго-Восточной Азии, Полинезии, континентальной Азии от Корейского полуострова до истоков Енисея, которые оставляли следы в языке, древнейшем ритуале, мифологии, стиле жизни. Нельзя не согласиться с утверждением Н. А. Иофан о том, что на раннем этапе «непрерывный приток стадильно и этнически различных культур активизирует процесс становления японской культуры, в основе которой лежит весьма сложный сплав культур японского энеолита и эпохи бронзы со свойственными им динамикой и гибкостью, способностью плодотворно взаимодействовать с другими культурами и неуклонно отбирать и накапливать материал» [Иофан, 1974, с. 245].

Японская письменная культура развивалась в пределах великой восточноазиатской культурной сферы – достаточно близко от её центра, которым был Китай, чтобы испытывать подавляющее его влияние, и достаточно изолированно от него (по крайней мере, в отдельные, весьма продолжительные периоды истории), чтобы не потерять свою самобытность: время от времени культурный прессинг из-за моря вызывал сопротивление и в разных формах стимулировал почвеннические тенденции в общественном сознании, и в первую очередь – в литературе. Правда, это сопротивление, как правило, начиналось не в культурной, а в политической области.

В докапиталистическую эпоху художественная литература Японии развивалась на двух языках – японском и китайском. За небольшими исключениями языковой признак определял и жанровую принадлежность произведения, и круг его идей, и систему художественных приёмов. Если авторы, писавшие по-китайски, старались чётко следовать признанным китайским образцам, т. е. были подражателями по установке, то создатели произведений на японском языке поддерживали и развивали местную традицию. В литературе они были не только подражателями, но и новаторами, изобретателями новых форм и средств выражения.

В отличие от Нового времени скрытое цитирование, прямое заимствование идей и сюжетов, литературные намеки и реминисценции средневековыми авторами котировались очень высоко – как свидетельства образованности, умения оперировать знаниями, знаки уважения к равным знаниям и вкусу читателей. Для нас они во многом остаются признаками корпоративности носителей книжной культуры старой Японии.

В авторской оценке героев на первое место в разные эпохи по-

следовательно выходили критерии эмоционального, эстетического и этического порядка. Смена критериев приводила к тому, что последующие поколения ценителей литературы не всегда разделяли (и даже адекватно понимали) изначальную, авторскую оценку поступков героев даже очень популярных произведений (таких, как «Повесть о Гэндзи» Мурасаки-сикибу, XI в.). Временные изменения в иерархии оценок до сих пор недостаточно учитываются исследователями. Это приводит к недооценке системы воззрений древних и средневековых авторов и в конечном счёте – к неполному пониманию функций художественной литературы в соответствующую эпоху. На эту сложную проблему стали обращать внимание лишь в сравнительно недавнее время.

До конца XIX в. в Японии не существовало традиции исследования истории художественной литературы в нашем понимании. Средневековые филологические школы выработали методики анализа отдельных произведений или их групп (поэтических антологий, сборников мифов или легенд, воинских эпосов и пр.), направлений в поэзии, создали традиции текстологических и палеографических исследований. Только в 1890 г. появилась из печати первая общая «История японской литературы» (日本文学史), написанная недавними выпускниками Имперского университета (Токио) Миками Сандзи (1865–1939) и Такацу Кувасабуро (1864–1921).

Авторы этих работ прослушали в университете курсы лекций выдающихся исследователей классической литературы и одного из крупнейших западных японоведов того времени Б. Х. Чемберлена (1850–1935), который и научил их европейским принципам изложения истории литературы (в книге Миками и Такацу материал выстроен в хронологическом порядке: эпоха Нара, эпоха Хэйан, эпоха Камакура, эпохи Намбокутё и Муромати, эпоха Эдо; в последовавших затем книгах других авторов разделы именовались: Древность, Раннее средневековье, Средняя эпоха, Ближняя эпоха¹).

Значение книги молодых учёных состоит в том, что на неё ориентировались создатели авторитетных монографий конца XIX–первой четверти XX в. Хага Яити (1867–1927), Фудзико Сакутаро (1870–1910) и др.² и что она послужила образцом для написания одной из

¹ Легко увидеть, что в периодизации литературного процесса, по примеру европейских учёных, японские авторы исходили из общеисторических критериев. Внутренние закономерности развития литературы, которые можно было бы использовать в качестве теоретического обоснования её периодизации, не изучены в достаточной мере до сих пор (внимательнее всего их изучают специалисты по истории литературных жанров). Более того, принятые японоведами принципы деления истории литературы на периоды подчас не связаны с особенностями не только литературы, но и общественно-политической истории Японии.

² Историко-литературные работы Хага Яити отличаются упором на филологический анализ материала; Фудзико Сакутаро тщательно описывал формальные признаки поэтических жанров (в хронологической последовательности). Последняя особенность оказала влияние на ряд ранних исследований основателя советского научного японоведения Н. И. Конрада (1891–1970).

самых полных и популярных на Западе работ такого рода – «История японской литературы» (A History of Japanese Literature) английского японоведа У. Дж. Астона (1841–1911).

В 1904 г. книга У. Астона появилась в русском переводе, выполненном слушателем Восточного института во Владивостоке В. М. Мендриным, который проделал кропотливую работу, сверив при переводе все выдержки из японских литературных памятников по их оригиналам. В 1921 г. в сборнике «Литература Востока», составленном в рамках предложенного М. Горьким проекта «Всемирная литература», появился компактный, написанный самостоятельно очерк «Японская литература» С. Г. Елисеева (1889–1975). К тому времени европейские японоведы располагали также обстоятельной «Историей японской литературы» (Geschichte der Japanischen Literatur) гамбургского профессора Карла Флоренца (1865–1939).

Если не считать обзорных статей в энциклопедиях, следующей работы, посвящённой систематическому изложению этого предмета на русском языке, пришлось ждать более сорока лет: в 1964 г. в серии очерков «Литература Востока», рассчитанных на широкого читателя, была опубликована книга Т. Григорьевой и В. Логуновой «Японская литература. Краткий очерк». Одновременно продолжало увеличиваться число художественных переводов и монографических исследований, посвящённых отдельным жанрам, эпохам, авторам. В 1973 и 1974 гг. вышли из печати две книги акад. Н. И. Конрада: «Очерки японской литературы» и «Японская литература. От "Кодзика" до Токутоми». По сути они представляют собой очерковые изложения некоторых узловых проблем истории японской литературы, частью опубликованные в прежние годы в разных изданиях, частью обнаруженные в архиве ученого после его смерти и подготовленные к изданию его вдовой Н. И. Фельдман-Конрад.

Заслуживают упоминания и вузовские учебники и учебные пособия последних десятилетий. В учебнике Московского университета «Литература Востока в средние века» раздел «Японская литература» (с. 237–341), описывающий её историю от VIII до XVI в., принадлежит перу И. Л. Иоффе (Львовой) и Е. М. Пинус. В 1975 г. под редакцией Е. М. Пинус издательство Ленинградского университета выпустило курс лекций «Краткая история литературы Японии», а пятью годами позже Дальневосточный университет во Владивостоке издал учебное пособие Т. И. Бреславец «Японская классическая литература VIII–XIX веков. Поэзия танка, рэнга, хайку», где рассматриваются вопросы истории, теории и поэтики указанных жанров. К сожалению, последнее пособие издано мизерным тиражом и практически недоступно даже специалистам.

С 1960-х годов активизировались исследования по историко-литературной проблематике и в самой Японии, и в западных странах – прежде всего в США и странах Западной Европы. Проводятся серьёзные исследования и в соседних с Японией странах – в КНР и Южной Корее. В Японии наиболее активная работа по координации

усилий литературоведов и сбору информации о хранящихся в разных странах рукописных памятниках японской литературы и об их исследовании проводится Национальным институтом японской литературы (国文学研究資料館, *Кокубунгаку кэнкю сирёкан*), основанном в 1972 г. в Токио. В 1987 г. в Киото был основан Международный центр по изучению японской культуры (国際日本文化研究センター, International Research Center for Japanese Studies), в котором проводятся исследования в разных её областях, в том числе – в области японской литературы. В Европейском регионе активизации работ по изучению японской литературы во многом способствуют регулярные конференции, проводимые Европейской ассоциацией японоведения (создана в 1973 г.).

На фоне монографических и обобщающих исследований по истории японской литературы выделяются отдельные узловые проблемы, постановка которых требует привлечения данных смежных дисциплин, а результаты рассмотрения отражаются в формировании стереотипа японской культуры. Для периодов древней и средневековой культуры эти проблемы группируются вокруг изучения мифов и преданий, первых стихотворных антологий, авторской повествовательной литературы и военно-феодалных эпосов.

Старание выдвинуть на передний план при анализе этого материала идеологические его аспекты или трактовать его в плане этической оценки народа-носителя было характерно ещё для традиционной японской филологии (в наибольшей степени – для представителей *Кокугакуха* 国学派, Школы отечественных наук, XVII–XIX вв.). Оно вновь стало заметным на рубеже XIX и XX вв., а затем – в 30-е гг. XX столетия. Не случайно в годы накануне Второй мировой войны известный японский историк литературы Сасаки Нобуцуна (1872–1963) подчёркивал в одном из своих фундаментальных исследований: «Древняя литература – это источник идеологии народа» [Сасаки, 1935, с. 5]. При этом речь шла не об официальных концепциях, а об отдельных сюжетах, образах, художественных приёмах, органичных для мирозерцания древних японцев и связанных с их культурными традициями.

Из каких бы компонентов ни состояла древняя японская словесность, в сознании её создателей и ценителей в наиболее чистом виде она существовала в поэзии. Изощёренная поэтическая образность, разнообразные формальные приёмы, отточенный размер обеспечивали многовековое развитие нескольких поэтических жанров; сложение стихов было престижным в разных социальных слоях на протяжении всей письменной истории страны. Вместе с тем чисто фонетическая специфика японского языка мало способствовала развитию поэзии. По характеристике профессора Ёсида Сэйити (университет Вацэда), «силлабическая структура японского языка проста. Даже когда звонкие и стяжённые звуки добавляются к традиционной диаграмме в 50 звуков, получается чуть более ста силлабем против более чем трёх тысяч, существующих, как говорят, в английском языке».

ке... Простота [японского] силлабария и бедность тональных особенностей, в свою очередь, делают японский язык весьма несовершенным в рифме» [Такэда, 1977, с. 5–6]. Если к этому добавить обилие омонимов, иммунитет поэтической речи к иноязычным заимствованиям, станет ясной необходимость осмыслить причины беспримерной устойчивости японской поэтической традиции даже в рамках классической японской культуры.

В 1960–1970-е гг. в Японии появилось много исследований, посвящённых поискам и установлению общего субстрата протояпонской и континентальной культур. В них анализируются и отдельные сюжеты мифов и преданий, зафиксированных в памятниках VIII века. Противники концепции общего субстрата настаивают на независимом происхождении и изолированном развитии древнеяпонской культуры, а совпадение отдельных японских сюжетов с континентальными объясняют дописанными заимствованиями. Отличительной чертой архаичного японского фольклора они считают его независимость от внешних источников формирования.

При рассмотрении конкретного материала мы затрагиваем и этот вопрос. Мы рассматриваем также, как проявляется и как использовался на протяжении истории идейный аспект литературы. Особое внимание уделяем проблеме формирования и трансформации устойчивых традиций в литературе (сквозные сюжеты, системы образов, форма, эстетические категории), ибо они и определяют специфику данной национальной литературы на фоне других литератур даже в пределах одного региона.

В те же 1960–1970-е гг. вышел в свет ряд коллективных монографий, сборников статей и курсов лекций японских учёных, посвящённых истории средневековой литературы Японии. Их обзору посвящена статья Фукуда Хидэити, опубликованная в №37 журнала «Acta Asiatica» [Фукуда, 1979.].

Катō Сёити в своём «Введении в историю японской литературы» замечает: «Литература Японии имеет несколько примечательных особенностей в сравнении с западными и китайской литературами. Эти особенности относятся, во-первых, к роли литературы в культуре в целом, во-вторых – к типу её исторического развития, в-третьих – к японскому языку и его письменной системе, в-четвёртых – к социальному фону литературы, в-пятых – к её мировоззренческому фону. Если рассмотреть взаимоотношения этих особенностей, станет ясной специфическая структура (по меньшей мере, одна модель этой структуры) того феномена, который носит название "японская литература", во временной последовательности» [Катō, с. 6].

Профессор Катō детально рассматривает каждый из названных им аспектов, утверждая, что роль литературы в японской культуре заключается в том, что «в каждую эпоху своей истории японцы выражали свои мысли не столько в абстрактной, умозрительной философии, сколько в конкретных литературных произведениях».

«Выражаясь метафорически, – пишет Катō, – в Японии литература взяла на себя роль философии, а в Китае даже литература трактовалась философски» [Катō, 1975, с. 6, 8].

Говоря о специфике исторического развития японской литературы, Катō Сьити усматривает её в том, что «старое никогда не исчезает, в истории японской литературы существуют определённое единство и преемственность. И поскольку новое всегда добавляется к старому, с каждой новой эпохой литературные формы и эстетические ценности становятся всё более разнообразными и многоликими» [Катō, 1975, с. 10].

Японский язык, по его мнению, структурно организован по тому же принципу, что и вся культура Японии (Катō называет этот принцип «законом примыкания»). Порядок слов в предложении, социальное спряжение японского глагола, особенности лексики (вплоть до малой распространённости личных местоимений, лишаящей фразу определённости, характерной для индоевропейских языков) проецируются на разные элементы традиционной японской культуры – представление о времени, планировку усадьбы у феодалов эпохи Эдо, структуру прозаических сборников и средневековых повестований (общее направление от части к целому, соединении по принципу подобия) [Катō, 1975, с. 11–15]. Общественный слой японской литературы, определяемый автором как «литературный класс», менялся от эпохи к эпохе по своей сословной принадлежности, «приводя ко многим новым изменениям в том способе, которым писали литературные произведения, в её эстетических ценностях и в материале». Но в каждый данный период времени «литературный класс» был культурной элитой и обладал повышенной способностью к интеграции в замкнутые группы, отъединённые от остального общества. «Это – одна из особенностей японской литературы, традиции которой дошли от "Записок у изголовья" (X в. – В. Г.) до наших дней. И такая особенность в точности отражает общие особенности структуры японского общества» [Катō, 1975, с. 24].

Катō Сьити отмечает несколько иностранных мировоззренческих систем, заимствованных японцами на протяжении истории и в разные эпохи служивших фоном в процессе развития художественной литературы: махаяна-буддизм и его философия, конфуцианство (особенно чжусианство), христианство и марксизм. Из них буддизм и конфуцианство проникли в Японию, очевидно, в середине VI века [Там же, с. 24]. Они накладывались на местное мировоззрение, сформировавшееся, по-видимому, в IV–V вв. и представлявшее собой политеистическую систему верований, в которую входили вера в предков, шаманизм и анимизм [Там же, с. 26]. «Исторические изменения мировоззрения японцев характеризуются не столько проникновением многочисленных иностранных мировоззрений, сколько настоящим поддержанием местного мировоззрения и повторяющейся японизацией пришедших из-за рубежа систем» [Там же, с. 24].

Сочетание этих пяти особенностей в их исторической обусловленности Катō Сьити представляет в качестве главной движущей силы развития японской литературы. Это основное утверждение, даже если отдельные аргументы его не вполне безукоризненны, проводится на протяжении всей двухтомной работы. Слабость же доказательств автора «Введения в историю японской литературы» в его навязчивом подчёркивании уникальности японской литературы в разнообразных её проявлениях. При этом сомнение вызывает не сама установка на выявление этой уникальности, а желание автора всякое автохтонное (или кажущееся таковым) явление в литературе и культуре представить как превосходное, а заимствованное – как в том или ином отношении несовершенное.

Есть более скрупулёзные, фундаментальные исследования и детальные описания истории японской литературы, такие, как шеститомник под общей редакцией Итико Тэйдзи [Итико, 1979, 1984, 1986] или объёмистый том «Семена в сердце» Доналда Кина [Кин, 1993]. Но при всей их бесспорной основательности таким исследованиям недостаёт сплошного культурологического фона, литературоведческой концептуальности. Без характеристики такого фона трудно признать обоснованной периодизацию истории литературы по внелитературным признакам. Развитие литературы как процесс, подчинённый собственным законам и связанный с внелитературным окружением, подробно рассмотрен в многотомнике почётного профессора университета Цукуба Кониси Дзиньити [Кониси, 1984, 1986, 1991].

Литература – организм живой. Могут меняться формы её участия в духовной жизни, в эстетическом сознании общества, но раз навсегда определить формы и меру этого участия невозможно. Литература связана со всеми сторонами жизни общества. В разных культурах генетически и хронологически они соотносятся по-разному. В этом один из источников своеобразия каждой национальной литературы. Посылка многих японских филологов и культуроведов, что для японской культуры любые заимствования извне неорганичны, непродуктивны и вредны, а автохтонные явления безусловно положительны, наивна и неверна. Но её распространённость в японских исследованиях последнего времени не позволяет пренебрегать ею.

Письменная культура, насчитывающая столетия, не может время от времени не приходить в сложные, подчас противоречивые отношения как с иноземными культурами, с которыми вступает в контакт, так и с некоторыми собственными тенденциями. Сочетание непоследовательности со строгой определённой входит в сущность культуры.

Целостная культура противоречива в частности, поэтому большинству наших генерализаций она может противопоставить микропровержения изнутри самой себя. Обобщение оказывается тем вернее, чем больший материал оно охватывает. В японской культуре всех эпох к наиболее общим характеристикам принадлежит её бережное отношение к собственному прошлому.

«Особое отношение к прошлому как залого будущего породило стремление не преодолевать... а сохранять то, что сопрячато подлинно реальному миру. Это привело сознание к закону традиционализма – не заменять, а сохранять то, что было найдено когда-то» [Григорьева, 1979, с. 165]. Это о культуре в целом. Теперь о литературе в частности. «История японской литературы не только продолжительна. В формах её развития были примечательные особенности, – отмечает Катō Сьюити. – Никогда не бывало так, чтобы форма литературного выражения, ставшая влиятельной в одну эпоху, была замещена новой формой в следующую эпоху. Новое не заменяет старое, а дополняет его» [Катō, 1975, с. 9]. С этим наблюдением нужно согласиться. Литературную преемственность обеспечивала распространённость такого приёма, как реминисценция (*хонкадори* – «следование изначальной песне» в поэзии, текстуальные заимствования, скрытое цитирование, намёки) [см.: Боронина, 1978, с. 316–326; Горегляд, 1963, с. 37–38].

Рассмотрение истории литературы вызывает необходимость принимать экскурсы в те области духовной культуры, которые теснее всего связаны с её содержанием, формируют её окружение. Простое перечисление и характеристика одних только литературных произведений, даже сопровождаемое сведениями об авторах и сравнительными данными формального характера, не представляет собою историю национальной литературы, так же, как словарь, даже с приложением грамматического очерка, не равнозначен языку.

В разных культурных зонах взгляды людей на задачи литературы, особенно на ранних стадиях её развития, неодинаковы. В одних культурах на первом плане стоит её учительская функция, в других – информативная, в третьих – сакральная. В предлагаемой вниманию читателей книге её автор много цитирует сами памятники художественной литературы, пересказывает их содержание и приводит мнения о разных явлениях литературы японских и западных специалистов, для того чтобы читатель смог наглядно представить и специфику самой японской литературы, и разнообразие подходов к ней со стороны представителей разных научных школ.

Российские учёные в последние десятилетия проделали большую работу по переводу памятников японской классической литературы на русский язык. Опубликован ряд монографических исследований классической поэзии *танка*, прозы *сэцува*, дневниковой и эссеистической литературы, драмы Нō, творчества некоторых писателей. Однако эти переводы и исследования лишь малая часть в сравнении с аналогичными публикациями, предпринятыми англоязычными японоведами. Поэтому многие репрезентативные произведения японской литературы автору книги пришлось представлять российскому читателю впервые, предлагая выдержки из них в собственном переводе.

Возможность проследить художественное сознание японцев от самого раннего, дописьменного этапа часто ставит перед исследо-

вателем вопрос о генезисе литературы, о стимулах её возникновения. Так, Сасаки Нобуцуна в своей работе [Сасаки, 1935, с. 6–14] рассматривал разные версии причин, вызвавших появление литературы: версии об игровом инстинкте, об инстинкте подражания, о происхождении литературы от религии (т. е. от первобытных молений богам), о самовыражении (из желания выделиться среди многих себе подобных – по аналогии с жестиком, повышением голоса и пр.), о привлечении противоположного пола, о возникновении практических целей (желание сообщить свои мысли, знания, убеждения, в отдельных случаях сближающееся с функцией религии – оберег, заклинание перед выходом на охоту и т. п.), о повторении (подражание звукам и движениям живой природы), о чувствах. «В изначальных условиях существования литературы, – писал Сасаки, – была тесная, нерасторжимая связь её с музыкой и живописью» [Там же, с. 14].

Другой крупный исследователь японской классической литературы, профессор Хисамацу Сэнъити (1894–1970) выделял два вида стимулов развития литературы на раннем этапе – внутренние и внешние [Хисамацу, 1962, с. 1–4]. К первым из них он относит психологические, ко вторым – социальные стимулы. Те и другие, по его мнению, переплетаются между собою (так, трудовые песни несут эстетическую нагрузку, заклинания – эмоциональную и т. д.), поэтому их нельзя рассматривать изолированно друг от друга, как неправомерно ставить вопрос о том, что возникло раньше – поэзия или проза: литературу надлежит рассматривать в неразрывном единстве поэзии и прозы, поскольку изначально она была составной частью синкретического искусства, включающего мелодию, словесность и танец (сама эта идея, кстати говоря, высказана ещё в древних китайских трактатах и перефразирована в предисловиях к японской поэтической антологии «Кокинсю», X в.).

На очень ранней стадии развития литературы в Японии зародилась наука о поэтике. Её быстрому самостоятельному развитию способствовал не столько собственно японский, сколько китайский опыт создания художественной литературы и литературной теории. Выделение художественной литературы в самостоятельный вид словесности в Японии ускорилось ученичеством, возможностью сравнивать её с высоким внешним образцом. Отсюда же – ранняя дифференциация видов и жанров литературы, их иерархия, включающая помимо прочих также языковой и функциональный признаки.

До сих пор речь шла здесь о трудах, в которых история японской литературы рассматривалась преимущественно как феномен специфический и тем интересный. Но время от времени на западных языках выходят концептуальные труды по японской литературе, в которых демонстрируется односторонность, недостаточность такого подхода. Идеи включить в орбиту литературоведческих обобщений дальневосточные материалы находят выход либо в разыскании материалов о международных культурных контактах в более или менее

отдалённые времена, либо в компаративистских исследованиях – и те, и другие ставят своей целью прямо выделить общее в местных или региональных литературах, чтобы обнаружить наличие в них универсальных категорий. Было бы естественно проследить взаимодействие двух культур, обладающих столь многими общими признаками...

«Наведение мостов через исторический океан, который скорее разделял, чем связывал две внешне непохожие цивилизации, должно способствовать большему культурному взаимопониманию стран и народов», – писал полстолетия назад канадский дипломат и культуролог К. П. Кирквуд [Кирквуд, 1988, с. 24].

«История литературы как синтез многих элементов на супернациональной шкале, – заключает А. М. Жанейра своё рассуждение о европоцентристском характере определённого рода исследований, – должна быть переписана заново». Он разделяет убеждение Рене Веллека в том, что «литература едина, как едино искусство и человечество, и в этой концепции лежит будущее исторических исследований» [Жанейра, 1970, с. 20].

Естественно, читателя, помимо своеобразия японской литературы, интересует и её общечеловеческое звучание. «С большим удивлением, – отмечено в той же работе, – мы обнаруживаем, что некоторые жанры развивались в Японии и в Европе в одно и то же время, хотя сообщение между ними было невозможно, поскольку Япония закрыла свои двери для Запада» [Там же, с. 27]. Правда, здесь нас подстерегает опасность уподобить отдалённо похожее, силой воображения достроить недостающее и в результате нарисовать картину, неадекватную действительной. Факты приобретают ценность доказательств только при достаточной их полноте и строгой классификации. Скажем, появление перспективы в живописи *укиё-э* в начале XIX в., когда Япония действительно придерживалась политики «закрытых дверей», откровением местных художников считать нельзя: известно определённо, что к этому времени они были знакомы с европейской живописью по тем образцам, которые попадали в страну через голландскую факторию на о. Дэдзима в г. Нагасаки.

«Если мы хотим познать прошлое таким, каким оно было "на самом деле"... мы не можем не стремиться к тому, чтобы подойти к нему с адекватными ему критериями, изучить его имманентно, вскрыть его собственную внутреннюю структуру, остерегаясь навязывать ему наши, современные оценки» [Гуревич, 1972, с. 7].

Рассмотренный в предлагаемой вниманию читателя книге период развития японской литературы отличают почти все основные признаки, характерные для японской культуры на протяжении её письменной истории: чередование столетий интенсивных внешних контактов со столетиями почти полной изоляции страны, времени заимствования целых жанров и литературоведческих концепций со временем развития в литературе автохтонного начала (включая активное отрицание всего иноземного), использование литераторами идеологических систем и отрешение от всякой идеологии, тонкое эстетизирование и грубое выпячивание физиологии...

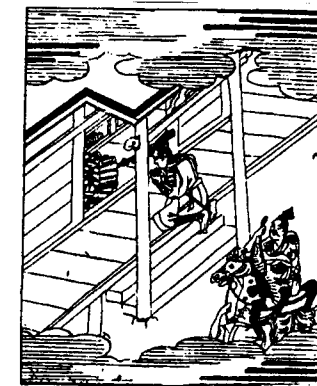
Мы стремились представить японскую литературу как неотъемлемую часть духовной культуры народа, продемонстрировать её специфику по сравнению с литературой европейских народов. Книга включает сведения о социальной истории Японии, о разных областях её культуры, о религиозных учениях. Без этих сведений невозможно по-настоящему представить историю классической японской литературы, поэтому в целом они подчинены историко-литературной проблеме. Пересказ сюжетов многих произведений и прямое их цитирование предназначены для показа движения сюжетов и использования идей и формальных приёмов от произведения к произведению, от жанра к жанру, от эпохи к эпохе.

Книга рассчитана на последовательное прочтение от начала до конца. Все разделы здесь опираются на предшествующие и перекликаются с последующими, и в отрыве от тех и других адекватно понятия быть не могут. Та истина, что одно и то же произведение читатели каждой последующей эпохи понимают по-своему, для японской литературы справедлива, может быть, как ни для какой другой.

Автор старался максимально выверить все приводимые в книге данные, а также привести мнения наиболее авторитетных специалистов по конкретным вопросам.

Неравномерность развития литературных жанров и многие особенности японской культуры в целом определили принятую в книге периодизацию литературы. Условность её очевидна, но всякая иная периодизация на данном этапе развития науки представляется нам менее оправданной.

Автор выражает благодарность Японскому фонду, Национальному институту японской литературы в Токио и Международному центру по изучению японской культуры в Киото, создавшим условия для сбора материалов и написания данной книги, своим коллегам по Санкт-Петербургскому филиалу Института востоковедения РАН, без дружеской поддержки которых невозможной была бы сама работа над нею. Особую благодарность автор выражает проф. Фукуда Хидэити (Токио), Наканиси Сусуму (Киото) и М. И. Никитиной (Санкт-Петербург) за ценные советы, высказанные ими во время работы над книгой.

Оглавление

Введение.....	5
Глава I. Литература древней эпохи	
Дописьменный этап в японской литературе.....	20
Первые памятники литературы. Культура эпохи Нара.....	27
Первые стихотворные антологии. «Манъёсё».....	58
Ранняя буддийская книжность.....	76
Глава II. Литература раннего средневековья (IX—XII вв.)	
Новый этап в истории общества и литературы.....	80
Поэзия <i>канси</i> . Сугавара Митидзанэ.....	89
Сборники буддийских <i>сэцува</i>	97
Появление японской письменности и литература.....	103
<i>Ута-моногатари</i> — поэтико-повествовательный жанр.....	120
Хэйанская поэзия. «Кокин вакасё».....	125
Ки-но Цураюки. «Тоса никки».....	138
Литература женского потока. «Кагэрō никки», «Макура-но сōси».....	142
Мурасаки-сикибу, её дневник и «Гэндзи моногатари».....	151
Позднейанские <i>моногатари</i>	167
Позднейанские дневники.....	175
<i>Рэкиси моногатари</i> . Литература или история?.....	181
Развитие прозы <i>сэцува</i> . «Кондзяку моногатари сё».....	189
Позднейанская поэзия.....	191
Заключение.....	200
Глава III. Литература развитого средневековья (XIII—XVI вв.)	
Эпоха смут. Самурайский этап в истории Японии.....	203
«Реформированный» буддизм средневековья.....	212
Новые веяния в синтō.....	220
Зарождение новой культуры.....	221
<i>Гунки моногатари</i>	225
Исторические сочинения.....	252
Поздняя проза <i>сэцува</i>	262
Дневниково-мемуарная литература. Путевые заметки.....	271
Автобиографическая повесть.....	283
Камо-но Тёмэй, Кэнкō-хōси. Эссеистические произведения.....	287
<i>Отогидзōси</i>	297
Средневековая драма <i>Нō</i> и <i>кёгэн</i>	303
Поэзия <i>вака</i> . Сайгё-хōси и Фудзивара-но Сюдзэй.....	319

Фудзивара-но Тэйка. «Син кокин вакасю»	329
Поэзия <i>рэнга</i> . Антологии	341
Литература Пяти монастырей (<i>Годзан бунгаку</i>)	351
Первое знакомство с европейскими литературами	359
Заключение	362
Литература	367
Указатель имен собственных	377
Указатель терминов	387
Указатель названий произведений	392

